

A movie poster for 'Мелодия' (Melody) featuring Tina Li. She has long, wavy, light-colored hair and is wearing a black cloak, sitting in a field of daisies. A grey werewolf with glowing orange eyes is lying next to her. The background shows a sunset over a valley with mountains and a large full moon in the sky.

МЕЛОДИЯ

TINA LI.

18+

Tina Li

Мелодия

<https://litres.ru/74505907>

SelfPub; 2026

Аннотация

Дом был его крепостью. Семья — его тихим якорем. И когда прошлое постучало в дверь, он оказался не готов.

Арсений привык быть ледяным стражем. Молчаливым. Невидимым. Он спрятал свою боль так глубоко, что даже сам почти забыл о ней. Но когда в их доме появляется женщина, которую он любил всю жизнь и потерял, прошлое возвращается.

Она не просто пришла просить прощения. Она пришла предупредить. Тьма, пробуждается. И чтобы остановить её, Лидия должна отдать последнее, что у неё есть.

Теперь Арсению предстоит столкнуться с прошлым, которое он так долго прятал. Узнать, какую цену она заплатила за него. И понять, что иногда любовь — это не обладание, а прощание.

Это история не о битвах — хотя они есть. Она о том, как оставаться живым, когда внутри пустота. И о том, как петь, даже если никто не слышит.

Книга 1 Поглотитель

Книга 2 Охотница

Книга 3 Мелодия

Содержание

Глава 1. Арсений	4
Глава 2. Арсений	10
Глава 3. Арсений	19
Глава 4. Арсений	27
Глава 5. Лидия	39
Глава 6. Лидия	47
Глава 7. Арсений	56
Глава 8. Лидия	63
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Мелодия

Глава 1. Арсений

Я сидел в своём кресле у камина и смотрел в никуда.

Огонь давно погас, только редкие угли ещё тлели, отбрасывая на стены призрачные, умирающие тени. За окном занимался рассвет — серый, холодный, равнодушный. Как и я сам.

В доме было тихо. Все спали.

Я слышал их дыхание сквозь стены — ровное, спокойное, живое. Ярослав обнимал Аврору во сне, прижимая её к себе так, будто боялся потерять даже в грёзах. Тимур что-то бормотал, переворачиваясь с боку на бок. Кирилл и Камилла... их дыхание сливалось в один ритм, и я отказывался думать о том, что это значит.

Они были живы. Все.

А я сидел в своём кресле и смотрел в никуда.

Спина затекла, в плечах ноющая тяжесть. Я не чувствовал холода, хотя угли давно остыли. Моё тело давно перестало напоминать о себе, оно просто было. Как мебель. Как часть кресла.

Горло саднило от сухости, но я не встал. Не позволял себе этого. Сухость во рту была единственной нитью, связывающей меня с жизнью. И я ненавидел эту нить за то, что она

не рвётся.

Не знаю, сколько времени прошло. Минута. Час. Вечность. Время здесь, в этом доме, текло иначе. Для меня оно застыло в тот миг, когда серебристый силуэт растаял в воздухе, оставив после себя, только запах мяты и вопросы без ответов.

Лидия.

Я запретил себе думать о ней. Приказал. Запер это имя в самой глубокой, самой тёмной клетке своего сознания, где хранились все мои слабости, все мои ошибки, всё, что делало меня уязвимым.

Но клетка была пуста. Она никогда в ней не сидела.

В памяти всплыло: вечер, ужин. Я стоял в тени коридора так, чтобы меня не видели. Они думали, что меня нет в доме. Хотя не все. Ярослав всегда знал, где я.

Камилла задала вопрос:

— Почему Арсений всегда молчит?

Я замер. Превратился в камень, в пустоту, в часть стены. И ждал.

На несколько секунд за столом повисла тишина. А потом ровный голос Авроры. Тихий, едва уловимый, но от этого ещё более страшный в своей правоте.

— Он боится, что если заговорит, то не сможет остановиться.

Камилла ничего не ответила. Только кивнула, будто поняла что-то очень важное. Что-то, до чего я сам боялся доду-

маться все эти годы.

Я стоял в темноте и не мог пошевелиться.

Она была права. Аврора всегда была права в том, что касалось людей. В том, что касалось чувств.

Я боялся, не смерти, не боли, не потери. Я боялся, что однажды открою рот, и из него хлынет всё то, что я копил годами. Вся боль, которую я вдавливал в кости. Все сомнения, которые душил в зародыше. Вся эта проклятая, никчёмная человечность, которую я так тщательно, так отчаянно прятал под маской невозмутимости.

Я боялся, что если начну говорить о ней, то не смогу остановиться.

О Лидии.

Я закрыл глаза и провалился.

Туда, где время текло иначе.

Я слышал, как она напевала ту самую незатейливую песню. Простую мелодию. Без слов. Она текла, как ручей в лесу тихая, спокойная. Я слышал её впервые много лет назад, когда был ещё молодым, горячим, не знающим настоящей жизни. Когда мир для меня был прост и понятен: враги, друзья, долг, честь. Когда я ещё не научился прятать эмоции за непроницаемым лицом.

Я забрёл в глухой лес, куда меня не звали, и нашёл её там, среди трав, кореньев и тишины. Лидия собирала что-то в плетёную корзину, не оборачиваясь и напевала.

Я помню тот день до мельчайших подробностей. Воз-

дух был влажным и тяжёлым, пахло мятой и ещё чем-то незнакомым, дурманящим. Солнце пробивалось сквозь кроны редкими лучами, и в одном из них она стояла, серебристая, почти прозрачная, будто сотканная из утреннего тумана. Её волосы светились, трава под ногами стелилась мягким ковром. Птицы молчали.

Тогда я не спросил, что это за мелодия. Не решился нарушить мгновение. Просто стоял и слушал, впервые в жизни не зная, что сказать. Впервые в жизни чувствуя, как что-то тёплое и пугающее шевелится там, где всегда было пусто.

Я не знал тогда, что это была любовь.

Я вообще ничего не знал.

Я приходил снова и снова. Каждый раз придумывал новое оправдание, разведка, наблюдение, оценка территории. Врал себе так убедительно, что почти верил.

Она всегда появлялась на рассвете, в одном и том же месте. Когда туман ещё стелился по земле, а роса тяжело ложилась на листья.

Я прятался среди деревьев. Замирал, стараясь даже не дышать. Смотрел и слушал. Она собирала травы. Двигалась медленно, плавно, будто танцевала с природой. Её серебристые волосы струились по плечам, касались земли, пустились в высокой траве и каждый раз, когда это случалось, мне приходилось делать усилие, чтобы не шагнуть вперёд. Не подойти. Не коснуться.

Я думал, что скрываюсь идеально. Что она не замечает моего присутствия.

Я был глупцом.

Она знала. Всегда знала.

Но однажды... она замерла. Не оборачиваясь, не повышая голоса, не прекращая напевать, произнесла:

— Если хочешь подойти — подойди. Если хочешь слушать — слушай. Но хватит прятаться, Арсений.

Моё имя, сорвавшееся с её губ, ударило меня наотмашь.

Я не шагнул. Не смог.

Часть меня хотела выйти, подойти, заговорить. Узнать, кто она, почему её голос заставляет моё сердце биться чаще, почему эта мелодия преследует меня даже во сне.

Другая часть та, что уже тогда понимала: если я подойду, обратной дороги не будет — приказала, замри.

Я замер.

А она пожала плечами, я видел, это движение даже со спины и продолжила напевать. Как ни в чём не бывало. Будто не было этого мгновения. Будто не было моего имени, брошенного в тишину.

Но я знал. Оно было, и она ждала.

Я развернулся и ушёл. Бесшумно, незаметно, не оставляя следов.

Но в ту ночь я не спал. Всю ночь смотрел в потолок и слышал эту мелодию. Снова и снова. А на следующее утро

я вернулся на ту поляну. Потому что не мог иначе.

Я не знал, зачем иду. Не знал, что скажу, если увижу её. Знал только, что если не пойду, потеряю что-то, чего ещё даже не нашёл.

Воспоминание лопнуло.

Я открыл глаза, и не понял, когда успел их закрыть. Эх той мелодии всё ещё звучало где-то на границе слуха. Или уже въелось в кости. Я не был уверен.

За окном серел рассвет.

Дом спал.

А я сидел в своём кресле и смотрел в никуда.

В воздухе всё ещё держался запах мяты. Я знал, что это память. Но вдыхал его снова и снова, будто она могла вернуться, если я буду дышать достаточно долго. Но на мгновение, всего на одно безумное мгновение — мне показалось, что она стоит за моей спиной. Я не обернулся. Потому что знал, там её нет.

Глава 2. Арсений

Звуки просыпающегося дома ворвались в моё убежище вместе с первыми лучами солнца.

Дом жил. Дышал. Просыпался.

А я всё ещё сидел в своём кресле, хотя спина затекла, а в глазах давно перестало резать от бессонницы. Я провёл большим пальцем по костяшкам левой руки, туда-обратно, туда-обратно. Старая привычка, оставшаяся с тех времён, когда мне приходилось считать секунды до рассвета. Я просто не мог заставить себя двинуться с места. Слишком много всего накопилось за эту ночь. Слишком много воспоминаний, которые я так старательно прятал, вылезли наружу и теперь не собирались убираться обратно. Они висели в воздухе, цеплялись за стены, за каждый уголок этой комнаты, где когда-то сидела она.

В тишину просачивались звуки. Скрип двери в комнате Кирилла, бормотание во сне Тимура, тихий смех Камиллы. Обрывки чужой жизни, в которой мне не было места.

Эти звуки были живыми. Тёплыми. Они принадлежали миру, в котором я больше не чувствовал себя своим. Я сидел в кресле и слушал их, как слушают музыку из чужого дома.

Я провёл ладонью по лицу. Щетина — лёгкая, но для меня непривычная, колола пальцы. Я не брился со вчерашнего утра. Мелочь. Но даже эта мелочь кричала о том, что при-

вычный порядок вещей дал трещину.

Едва уловимые шаги Авроры замерли на последней ступеньке лестницы.

Я не оборачивался. Не двигался. Но чувствовал её взгляд кожей так же, как когда-то чувствовал другой.

Она спускалась медленно, не от страха упасть, просто её тело уже не слушалось так, как раньше. Живот, округлившийся за эти три месяца, изменил центр тяжести, и она всё ещё привыкала к новому равновесию.

Три месяца прошло с той ночи в шахте. Три месяца, как она шагнула из ниоткуда, разорвав ткань реальности, чтобы спасти нас. Три месяца, как её тело менялось, готовясь дать жизнь.

Она остановилась, перевела дыхание.

— Ты не спал, — сказала тихо. Не вопрос — констатация.

Я не ответил.

Она прошла к кухонной зоне, налила себе стакан воды. Медленно, с расстановкой, будто каждое движение требовало от неё усилий. Потом опустилась на диван, кутаясь плотнее в плед, и уставилась куда-то в сторону.

Тишина повисла между нами, густая и тягучая.

— Твоя боль поёт, — произнесла она, наконец, не поворачивая головы.

Я застыл.

— Её боль тоже поёт, — продолжила Аврора и перевела на меня взгляд.

В этих глазах не было жалости. Только знание. Тихое, выстраданное знание человека, который сам прошёл через ад и теперь видел других насквозь.

Я встретил её взгляд.

— Ты чувствуешь её? — спросил я. Голос прозвучал хрипло, чуждо.

Аврора помолчала, будто прислушиваясь к чему-то внутри себя.

— Не так, как ты. — Пауза. — Вы как одна печальная симфония. Две мелодии, которые должны звучать вместе, но почему-то всё время расходятся. Будто кто-то перепутал ноты.

Я смотрел на неё и не находил слов.

— Откуда ты знаешь? — спросил я тихо.

Она приложила ладонь к груди.

— Я слышу, Арсений. Не ушами. Здесь. Она болит так же, как ты. Только её боль звенит выше. Тоньше. Будто струна, которую вот-вот порвут.

В комнате стало тихо. Даже угли в камине перестали потрескивать.

Я не хотел, чтобы она или кто-то ещё, кроме Ярослава, знал о той боли, что я нёс в себе. Это было моим, только моим. Спрятанным так глубоко, что я и сам иногда забывал, где именно зарыт этот ящик Пандоры. Но после появления Лидии моя маска треснула. Я видел это по взглядам. Тимур вдруг замолкал, когда я входил в комнату. Камилла прово-

жала меня слишком долгим взглядом, а Кирилл отводил глаза. Они не спрашивали. Но они догадывались.

— Я не просил тебя слушать, — выдохнул я. Жёстче, чем следовало.

Я пожалел о своих словах сразу. Но не умел брать их обратно. Никогда не умел.

Аврора не обиделась. Только покачала головой.

— Я и не слушаю специально. Просто не могу не слышать. Это как эхо в пустой комнате. Оно звучит, даже когда ты не звал.

Я смотрел на неё, на её округлившийся живот, который она машинально прикрывала пледом. Ярослав боялся за неё, это было написано у него на лице. В каждом движении, в том, как он теперь почти не выпускал её из поля зрения. Как его рука постоянно лежала на её спине, на её плече, на её животе. Как он слушал её дыхание по ночам, когда думал, что никто не слышит.

Он боялся потерять её. Не в бою, в том, что было страшнее любого сражения.

А она... она становилась сильнее. Я видел это задолго до того, как она сама начала понимать. В том, как воздух вокруг неё иногда мерцал, как тени вздрагивали, когда она проходила мимо, как птицы замолкали, стоило ей выйти на крыльцо.

Я почти уверен, что это не последний сюрприз, который она нам преподнесёт.

— Ты боишься её, — сказал я. Не вопрос — утверждение.

Аврора подняла на меня глаза. В них не было удивления. Только усталость.

— Боюсь. — Она помолчала. — Но не так, как ты думаешь.

— А как?

Она перевела взгляд на свои руки.

— Я боюсь, что однажды не смогу остановиться. В тот момент, в шахте, когда я держала этот барьер... Я чувствовала, как она бьётся об него. Каждый удар отдавался во мне, и мне хотелось сжать кулак до конца. Раздавить её там, внутри. Просто стереть в порошок.

Я молчал. Потому что понимал это чувство. Потому что сам я при мысли о Лидии всегда хотел одного, либо коснуться её, либо сломать всё, что нас разделяло.

— Но ты не сделала этого, — сказал я.

— Не сделала. Потому что Ярослав был рядом. Потому что вы все были рядом. А если однажды я окажусь одна?

— Не окажешься.

Она посмотрела на меня долгим, изучающим взглядом.

— Ты говоришь так, будто знаешь.

— Знаю.

— Откуда?

Я не успел ответить. Напряжение в доме дрогнуло, и сверху слышались шаги.

Тяжёлые, быстрые, взволнованные.

Ярослав.

Он спускался по лестнице, и от него исходило беспокойство, такое густое, почти осязаемое, что воздух в комнате стал плотнее. Я понимал его как никогда.

Аврора обернулась, и её лицо изменилось, стало мягче, теплее. Маска спала. Осталась просто женщина, которая ждала своего мужчину.

— Я здесь, — сказала она.

Ярослав подошёл, положил руку на её плечо. Взгляд его был устремлён на меня.

— Ты замёрзла, — сказал он, кутая её в плед плотнее.

— Всё в порядке, — ответила Аврора, но её рука непроизвольно легла на живот.

Ярослав перехватил это движение. Конечно, перехватил. Он замечал всё, что касалось её.

— Что-то случилось? — спросил он, переводя взгляд на Аврору.

Она не ответила сразу. Посмотрела на меня, потом на него. В её глазах мелькнуло что-то — сомнение? Вопрос?

— Мы говорили о боли, — сказала она тихо. — О той, что поёт.

Ярослав замер. Его взгляд снова вернулся ко мне.

— Лидия, — произнёс он. Не спросил. Утвердил.

Я не ответил.

Но этого было достаточно.

Ярослав опустился на диван рядом с Авророй. Не спросил ни о чём — просто положил ладонь ей на живот.

Аврора вздохнула — не устало, а скорее с облегчением, будто его рука сняла часть тяжести. Я видел, как дёрнулась ткань под его ладонью. Дети зашевелились. Яр замер на секунду, прикрыл глаза, и на его лице, обычно таком непроницаемом, мелькнуло что-то тёплое. Почти нежное.

Они сидели на диване, Ярослав, Аврора, их еще не рождённые дети. А я сидел в кресле у камина, на расстоянии вытянутой руки. Но это расстояние было бесконечным.

Я смотрел на них и чувствовал, как в груди сжимается что-то, чему я не давал хода годами.

Они были семьёй. Их связывала не кровь, а нечто большее: общий выбор, общая боль, та необъяснимая сила, что упрямо держалась назло всему. И я был частью этого. И в то же время нет. Потому что та, кого я хотел видеть рядом, была не здесь. Она была где-то там, в лесу, в своём доме, в своей вечности. И я не знал, придёт ли она когда-нибудь.

Ярослав открыл глаза, убрал руку с живота Авроры и перевёл взгляд на меня.

— Она требовала цену, — сказал он. — Аврору.

— Я помню.

— Я не отдам её.

— Знаю.

— Если Лидия придёт за ней...

— Она придёт не за ней, — перебил я. — Не так, как ты думаешь.

Ярослав нахмурился.

— А как?

Я молчал. Слова не шли — они застревали в горле, цеплялись за многолетнюю привычку молчать, за страх открыть рот и выдать себя. Но перед Яром можно было говорить. Он единственный, кто умел слушать так, что молчание становилось не нужным.

— Лидия не охотится на Аврору, — сказал я, наконец. — Не в том смысле, в каком ты боишься.

— Тогда зачем я ей? — тихо спросила Аврора.

Я перевёл взгляд на неё.

— Это мы узнаем. И быстрее, чем нам хочется. Вопрос в том, будем ли мы готовы к ответу.

Тишина повисла между нами, густая, почти осязаемая. Ярослав напрягся, его рука на плече Авроры сжалась чуть сильнее.

— Ты знаешь что-то, чего не говоришь, — произнёс он.

— Я знаю только то, что Лидия никогда не делает ничего просто так. Если она назвала цену, значит, эта цена ей за чем-то нужна. Вопрос не в том, заберёт ли она Аврору. Вопрос в том, что она задумала.

Аврора медленно кивнула.

— Значит, будем ждать. И готовиться.

Ярослав посмотрел на неё.

— Ты не боишься? — спросил он.

— Боюсь. — Она встретила его взгляд. — Но страх — не повод прятаться.

Я отвёл взгляд. Слишком знакомые слова. Слишком похоже на то, что когда-то говорила мне она.

За окном разгорался рассвет. Я знал, что её нет в лесу. Не в этом лесу. Но всё равно чувствовал, запах мяты, отголосок мелодии, напряжение в воздухе, как перед грозой. Она была где-то там. Всегда где-то там.

Я знал, где она, не место, а состояние. Между лесом и вечностью. Между мной и тем, что я потерял. Но я всё равно сидел и ждал. Потому что ждать, это единственное, что я умел делать после неё.

В кресле всё ещё пахло мятой. Я не знал, сколько ещё он продержится — день, неделю, месяц. Но пока он был, я мог дышать.

Я смотрел на них, на семью, которую поклялся защищать. И думал о том, сколько еще таких выборов ждёт меня впереди. Между долгом и тем, что когда то было моим сердцем. Но выбор, кажется, уже сделали за меня. Тогда — она выбрала уйти. Сейчас — она выбрала вернуться. А я всё ещё сидел в своём кресле и не знал, что ответить.

Глава 3. Арсений

Память — странная штука. Она не подчиняется приказам. Не затыкается, когда ей приказывают замолчать. Она просто течёт, как та самая мелодия, которую я пытался забыть три десятилетия.

Я закрыл глаза, и провалился.

Туда, где время текло иначе.

В тот раз я думал, что умру.

Глупо. Смешно. Оборотень, едва вышедший из подросткового возраста, возомнивший себя неуязвимым. Я выслеживал вампиров, не древних тварей, а молодых, наглых, только что обращённых, которые решили, что лес на моей территории, отличное место для охоты.

Я был один. Слишком самоуверен. Слишком глуп, чтобы понять: даже молодые вампиры опасны, когда их трое.

Они зажали меня в овраге. Я помню их лица — бледные, с алыми глазами, полными той особой, вампирской жестокости, что не знает пощады. Помню, как когти одного вспороли мне бок, как второй вцепился в плечо, а третий — третий просто стоял и смотрел, наслаждаясь зрелищем.

Я убил двоих. Зверь внутри взял верх, и я рвал, крушил, не чувствуя боли. Но третий оказался хитрее. Он не стал лезть в открытую, дождался, когда силы оставят меня, и нанёс удар в спину.

Я упал лицом в гнилые листья. Помню запах, сырая земля, прелая трава и железный привкус собственной крови. Помню, как пытался ползти, оставляя за собой тёмный, липкий след. Помню, как мысли путались, как мир сужался до одной точки.

Сознание уходило рывками, то выключалось, то возвращалось, чтобы показать мне очередную порцию боли. В какой-то момент я перестал чувствовать ноги. Потом — руки. Потом — всё.

А потом — тишина. Не та, что бывает перед смертью, а та, что бывает,... когда кто-то рядом.

Я не знал, откуда пришло это чувство. Может быть, запах — тонкий, едва уловимый, перебивающий железный привкус крови. Может быть, звук — почти беззвучный шаг, которого не должно было быть в этом лесу. Но я знал, я не один.

Она стояла надо мной на коленях, её серебристые волосы касались моего лица, пахли травой и чем-то ещё, тем самым, дурманящим, что я так и не смог забыть. Лидия что-то шептала — не заклинание, не молитву. Просто слова. Тихие, ласковые, такие, от которых у меня внутри всё переворачивалось даже в полубреду.

— Глупый мальчишка, — услышал я сквозь туман. — Совсем глупый. Куда же ты полез?

Я хотел ответить, сказать, что я не мальчишка, что я воин, что я справился бы. Если бы не этот подлый удар в

спину. Но язык не слушался.

А её руки уже ощупывали мои раны, уверенно, профессионально, но при этом так бережно, что мне казалось, будто я лечу.

Боль отступала туда, где она не могла достать. Я чувствовал только её пальцы, прохладные, уверенные, они двигались по моей коже, как вода по камню. Я не знал, что она делает. Знания, что она рядом, было достаточно.

— Лежи, — сказала она, заметив, что я пытаюсь пошевелиться. — Не смей двигаться. Ты и так едва жив.

Я послушался. Впервые в жизни — просто послушался, не задавая вопросов, не споря, не доказывая, что я сам справлюсь.

Она выхаживала меня три дня.

Три дня я то приходил в себя, то проваливался в беспмятство, а она всё это время была рядом. Я помню её руки, промывающие раны. Помню тепло её ладони на моём лбу, когда у меня начался жар. Как она поила меня какой-то горькой настойкой, и я давился, но пил. Потому что не мог отказаться от того, что она давала.

Помню её голос. Она напевала ту самую мелодию.

На третий день я открыл глаза и увидел её спящей рядом. Она сидела, прислонившись спиной к дереву, и голова её склонилась набок. Лицо было бледным, под глазами залегли тени, она не спала всё это время. И только когда поняла, что опасность миновала, позволила себе забыться.

Я смотрел на неё и не мог отвести взгляд.

В ней было что-то, чего я не мог понять. Не возраст, хотя она была старше, чем казалась. Не сила, хотя она была сильнее, чем я. Что-то другое. То, что я не умел назвать. Может быть, вечность. Может быть, тишина.

В тот момент я понял две вещи.

Первая: я никогда не смогу её забыть.

Вторая: я никогда не смогу ей этого сказать.

Она открыла глаза ровно через минуту, будто почувствовала мой взгляд. Улыбнулась устало, но тепло.

— Живой, — сказала она тихо. — А ведь мог и не дожить.

— Я не просил тебя спасать, — вырвалось у меня. Глупо. Неблагодарно. Но я не знал, как справиться с тем, что творилось у меня внутри.

Она не обиделась. Только покачала головой.

— Знаю. Но я не могла пройти мимо.

— Почему?

Она посмотрела на меня долгим, странным взглядом. Таким, от которого у меня сердце пропустило удар.

— Потому что ты другой, Арсений. Не такой, как все.

Мы молчали. В лесу было тихо, даже птицы, казалось, затаили дыхание.

А потом я сделал то, на что не решился в тот первый раз, когда она позвала меня из укрытия.

Я протянул руку и коснулся её лица.

Она не отшатнулась, не остановила. Просто закрыла глаза и на мгновение прижалась щекой к моей ладони.

— Глупый мальчишка, — прошептала она.

Но в этот раз это звучало иначе.

Воспоминание лопнуло.

Я открыл глаза. Вокруг был рассвет.

Мои пальцы всё ещё сжимали подлокотники кресла, а в груди пульсировала знакомая, ноющая боль. Я вспомнил её лицо в тот момент. Вспомнил, как она смотрела на меня. Вспомнил, что было потом.

И впервые за долгие годы задал себе вопрос, на который боялся искать ответ.

Почему я позволил ей уйти?

Я знал ответ. Знал всегда. Потому что если бы я попытался удержать её, она бы не осталась. Потому что если бы я попросил, она бы ушла всё равно. Но уйти, не попрощавшись... это было хуже. Это значило, что она не верила, что я смогу её отпустить.

— Да чтоб тебя, Кир, я же просил не жарить так много!

Голос Тимура ворвался в мои мысли, как таран, круша хрупкую тишину утра. Я невольно поморщился, не от злости, а от резкости перехода. Я не успел закрыться. Голос Тимура ударил по ушам, как удар по стеклу. Весь тот лес, запах мяты, её руки, её голос — рассыпался в прах. Остался только этот дом. Только этот день. Только я в кресле.

— Сам виноват, — донёсся спокойный голос Кирилла. —

Кто вчера полкухни сожрал и просил добавки?

— Я не сожрал, я восстанавливал силы! — возмутился Тим. — Разница колоссальная!

Сверху слышался топот, тяжёлый, размашистый, такой, будто по лестнице спускалось не одно существо, а целая орава. Тим никогда не умел ходить тихо. Даже когда пытался, а он пытался редко, у него получалось так, что половицы жаловались на судьбу.

— Камилла, скажи ему! — крикнул Тим куда-то в сторону. — Что он не прав!

— Я в такие разборки не лезу, — донёсся ровный, чуть насмешливый голос Камиллы. — Я вообще только что проснулась и ещё не готова к конфликтам на кухне.

— Предательница, — трагически выдохнул Тим.

Я сидел в своём кресле, не двигаясь.

Тимур влетел в гостиную первым как всегда, не глядя по сторонам. Растрёпанный, в футболке, надетой задом наперёд, и с таким выражением лица, будто только что совершил великое открытие.

— Арсений! — заорал он, заметив меня. — Ты чего такой мрачный? Опять всю ночь не спал, на звёзды смотрел?

Он рухнул на диван, едва не сбив подушку, и тут же подскочил снова.

— Слушайте, а что вчера было-то? Я помню, что мы что-то обсуждали, а потом я вырубился прям на кровати у Кира. Это я так романтично заснул или просто отрубился?

— Ты отрубился, — раздался голос Кирилла, который как раз спускался по лестнице. — И храпел так, что Камилла хотела тебя подушкой придушить.

— Я не хотела, — Камилла появилась следом, уже собранная, но с чуть более мягким выражением лица, чем обычно. — Я просто рассматривала такую возможность.

— Жестокая ты женщина, — вздохнул Тим, падая обратно на диван. — А я к тебе со всей душой.

Он заметил стакан воды на столике, потом перевёл взгляд на меня, потом снова на стакан.

— Ты вообще спал? — спросил он вдруг серьезнее. — Выглядишь так, будто всю ночь с призраками разговаривал. Я молчал. Секунду. Две.

— Не спал, — ответил я коротко.

Тим хотел что-то сказать, но в этот момент с лестницы спустились Ярослав и Аврора. Она куталась в свой бесконечный плед, он поддерживал её за талию — бережно, но так, чтобы никто не заметил этой бережности. Впрочем, замечали все.

— О, а вот и родители! — заорал Тим, мгновенно переключаясь. — Я смотрю, вы тоже выжили после вчерашнего? Аврора, ты как? Не померла там от счастья?

— Тим, — предупреждающе рыкнул Яр.

— Что? Я по-родственному интересуюсь!

Аврора фыркнула, пряча улыбку в пледе.

Я смотрел на них. На эту шумную, нелепую, живую семью.

На Тимура, который заполнял собой любое пространство. На Кирилла и Камиллу, которые уже научились понимать друг друга без слов. На Ярослава, чей взгляд ни на секунду не отпускал Аврору.

Они не знали. Не знали, что где-то там, за лесом, за горизонтом, есть она. И что она однажды вернётся.

А я сидел в своём кресле и ждал. Как всегда.

— Арсений, — вдруг тихо позвала Аврора.

Я поднял глаза.

Она смотрела на меня поверх пледа, и в её взгляде было то самое знание, от которого невозможно спрятаться.

— Иди есть, — сказала она просто. — Остынет ведь.

Я не ответил. Но через минуту поднялся и пошёл за ними.

Потому что выбора не было.

Потому что они — моя семья.

Потому что даже ледяные стражи иногда должны завтракать.

Глава 4. Арсений

Завтрак в доме был в самом разгаре.

Тимур, как обычно, умудрялся находиться одновременно везде — тянулся за хлебом, болтал с полным ртом, жестикулировал так, что Камилла пару раз едва увернулась от летящих крошек, и при этом следил за всем, что происходило на кухне.

— Кир, это гениально, — провозгласил он, проглатывая очередной кусок. — Ты уверен, что не хочешь открыть ресторан? Я буду твоим главным дегустатором. На постоянной основе. Бесплатно. Ну, почти бесплатно.

— Ты и так жрёшь за троих, — беззлобно огрызнулся Кирилл, переворачивая яичницу на сковороде.

— За троих? — Тим приложил руку к груди с самым оскорблённым видом. — Я восстанавливаю силы! После всего, что мы пережили, я имею право на лишний кусочек бекона.

— Ты уже съел половину, — заметила Камилла с лёгкой усмешкой.

— Это была разминка, — парировал Тимур. — Основной приём ещё впереди.

Аврора фыркнула в чашку с чаем, пряча улыбку. Ярослав молча положил ей на тарелку ещё один тост — жест, который давно стал ритуалом. Она благодарно коснулась его ру-

ки, и этот короткий обмен жестами сказал больше, чем любые слова.

Я сидел на своём месте, наблюдая за этой жизнью, что кипела вокруг.

Я был здесь. Я был с ними. Но между мной и ними всегда оставалась тонкая, невидимая стена. Они не ставили её, я сам. Я не знал, как её снять. И не знал, хочу ли.

— Арсений, — вдруг позвала Камилла. — Ты сегодня вообще собираешься, есть или так и будешь сидеть статуей?

Все взгляды на мгновение обратились ко мне.

— Ем, — ответил я коротко и, чтобы не привлекать внимания, взял с тарелки кусок хлеба.

— Смотрите, он ест! — театрально восхитился Тимур. — Запишите этот день в историю! Арсений публично употребляет пищу!

— Тим, — предупреждающе рыкнул Яр.

— Что? Я радуюсь! Человек проявляет признаки жизни!

Я молча откусил хлеб. Тимур довольно заулыбался и вернулся к своей тарелке, продолжая что-то вещать о том, что «правильное питание — залог здорового духа в здоровом теле».

Разговор постепенно перетёк в обычное утреннее русло. Кирилл и Камилла обсуждали какие-то технические детали — кажется, она помогала ему с настройкой новых датчиков. Ярослав и Аврора говорили о чём-то своём, тем тихим, интимным тоном, который бывает только у людей, понимаю-

щих друг друга без слов.

А я слушал этот шум, этот гомон, эту жизнь и чувствовал, как внутри неохотно, но оттаивает что-то, что я привык считать навсегда замёрзшим.

Но вместе с теплом приходило и другое.

Мысль о ней.

О том, что где-то там, в своём доме, она тоже сидит одна.

Я пытался представить её дом. Не тот, что я видел в воспоминаниях, а тот, в котором она жила сейчас. Тёмный, тихий, полный теней, которые не шептали, а молчали. И она среди них. Одна.

О том, что я так и не спросил её тогда, почему она ушла.

О том, что время уходит.

Я выскользнул из дома, как делал это всегда.

Бесшумно. Незаметно. Никто не услышал, как открылась дверь, как ступени крыльца приняли мой вес, как земля под ногами мягко пружинила после недавних дождей.

Лес встретил меня привычной тишиной. Но сегодня она была другой. Не той, что окружала меня годами, а какой-то... ожидающей. Будто деревья замерли в предчувствии, словно воздух стал плотнее, будто сама земля под ногами знала что-то, чего не знал я.

Я шёл долго.

Сначала знакомыми тропами, которыми ходил каждую ночь, патрулируя периметр. Потом дальше, туда, где лес становился глуше, где деревья росли так тесно, что даже днём

здесь царил полумрак. Где я не был уже много лет.

Старая территория.

Там, где я жил до того, как встретил Ярослава. До того, как стал частью стаи.

Там, среди вековых сосен и замшелых валунов, когда-то стояла моя охотничья избушка. Простая, грубая, сложенная из брёвен, которые я сам таскал на себе. Я не был там с тех пор, как мы объединились. Не видел смысла возвращаться.

Но сегодня ноги сами привели меня сюда.

Избушка почти сгнила. Крыша провалилась, стены покосились, внутри уже давно поселились лесные звери и плесень. Я остановился на опушке, глядя на это пепелище прошлого, и вдруг понял, не за этим я шёл.

Я повернул налево. Туда, где за холмом начинался овраг.

Овраг, в котором я когда-то чуть не сдох.

То место, где она нашла меня.

Я спустился вниз, туда, где даже сейчас, спустя тридцать лет, мне казалось, я вижу тёмные пятна на земле. Моя кровь. Моя глупость. Моя юность, которую она вытащила с того света.

Я стоял там и слушал тишину.

Она не приходила.

Только ветер шевелил ветви, только где-то вдалеке ухал филин.

Я не знал, зачем пришёл. Не знал, что хотел найти. Следы? Призраков? Её саму?

Ничего не было.

Только память.

Я закрыл глаза и провалился.

Туда, где время текло иначе.

Я сидел в овраге и смотрел, как заходит солнце. Тёплый летний вечер обнимал лес, последние лучи золотили верхушки сосен, и где-то вдалеке уже начинал свою песню первый сверчок.

Она появилась почти бесшумно. Но я её услышал. Всегда слышал.

Лёгкий шорох травы под ногами, едва уловимое движение воздуха и мир вокруг стал чуть другим. Будто сама природа выдохнула с облегчением, признавая её присутствие.

Она присела рядом, шумно вдохнула тёплый вечерний воздух, и я почувствовал знакомый запах — мята, сухие травы и что-то ещё, дурманящее, тёплое, её.

Мы просто сидели и молчали.

Это было нашим ритуалом. Она приходила, садилась рядом, и мы могли провести так час, два, глядя на закат, слушая лес, не произнося ни слова. И в этом молчании было столько, сколько не вместили бы никакие разговоры.

Но сегодня я нарушил тишину.

— Кто ты? — спросил я, всё ещё глядя на уходящее за горизонт солнце.

Вопрос повис в воздухе, тяжёлый и неизбежный. Я чувствовал, как она замерла рядом. Слышал, как перестала

дышать на секунду, прежде чем ответить.

Я не знал, что хочу услышать. Может быть, правду. Может быть, любую ложь, которая была бы легче. Но она не дала мне ни того, ни другого.

— А ты как думаешь? — голос её звучал ровно, но в нём появилась та осторожная нотка, которую я раньше не замечал.

— Я думаю, что ты не просто сборища трав, — ответил я. — Обычные сборища не выхаживают оборотней, от которых отказались бы даже лекари. И не появляются из ниоткуда каждый раз, когда я думаю, что один.

Она молчала. Я продолжал смотреть на закат.

Я ждал. Она вздохнула.

— Я — Лидия, — сказала она тихо.

— Я знаю, как тебя зовут. — Я повернулся к ней. — Я спрашиваю — кто ты?

Она помолчала. Посмотрела на закат, потом на меня, потом снова вдаль.

— У меня много имён, — наконец произнесла она. — Некоторые называют меня ведьмой. Другие — хранительницей. Третьи — духом леса. Никто не знает точно. Даже я. Тебя это пугает?

Она сказала это без горечи. Просто констатировала факт. Но я услышал в её голосе то, что она не произнесла вслух, усталость. Усталость быть всеми этими именами и ни одним из них по-настоящему.

— Должно?

— Некоторых пугает.

— Меня — нет.

Она посмотрела на меня долгим, изучающим взглядом. Будто видела не просто молодого оборотня, а что-то большее.

— А ты? — спросила она вдруг. — Кто ты, Арсений? Не просто оборотень, не просто охотник. Я вижу это.

Я замер.

— Что ты видишь?

— Ты другой. Ты не из стаи, не из тех, кто родился и вырос среди своих. Ты один. И ты не помнишь, как стал таким.

— Откуда...

— Я многое вижу, — перебила она тихо. — Это тоже часть дара. Иногда проклятия.

Я молчал. Секунды тянулись, превращаясь в минуты. Закат догорал, окрашивая небо в багровый.

— Я не помню, — сказал я, наконец. — Свою семью. Как остался один. Только обрывки. Запах дыма. Чей-то крик. И холод. Много холода.

— Ты был ребёнком, — сказала она. Это не было вопросом.

— Наверное.

Она протянула руку и накрыла мою ладонь своей.

Её пальцы были прохладными, но не холодными. Такими, какими бывают руки, которые трогают траву и воду, а не

оружие и камни. Я не дышал. Боялся, что если вдохну, она уберёт руку.

— Ты не один, Арсений. Теперь нет.

Я смотрел на наши руки и не мог пошевелиться. В груди что-то щемило — не боль, не страх. Что-то другое, чему у меня не было названия.

— А ты? — спросил я, поднимая глаза. — Ты тоже одна?

Она улыбнулась. Грустно.

— Я всегда была одна.

— Почему?

— Потому что те, кого я любила, уходили. Старели. Умирили. А я оставалась.

— Это не причина быть одной, — сказал я.

— А что причина?

— Боязнь, что снова придётся терять.

Она замерла. Посмотрела на меня так, будто видела впервые.

— Ты мудр не по годам, Арсений.

— Я просто знаю, что такое терять. Даже если не помню.

Мы молчали. Где-то вдалеке ухнул филин. Закат погас, уступив место сумеркам.

— Знаешь, — сказала она вдруг, — я думала, что в этом лесу уже ничто не сможет меня удивить. А ты...

— Что?

— Ты удивляешься.

Она убрала руку, поднялась и посмотрела на меня сверху вниз.

И ушла. Так же бесшумно, как появилась.

А я остался сидеть на валуне, глядя в звёздное небо, и впервые за долгое время чувствовал, что холод внутри начинает отступать.

Воспоминание лопнуло.

Я попытался удержать его. Схватить за край, как хватаются за ускользающую ткань. Но оно рассыпалось, оставив в ладонях только пустоту.

Я открыл глаза.

Солнце уже поднялось выше, ветки голые, чёрные, но кое-где уже набухают почки. Где-то вдалеке стучал дятел.

Она не пришла.

Конечно, не пришла.

Я двинулся обратно. В дом. К семье. К жизни, которую построил после неё.

Но в груди, под рёбрами, пульсировало то самое чувство, от которого не спасали ни годы, ни стены, ни молчание.

Она была где-то рядом.

Я знал это.

И она знала, что я знаю.

Вопрос был только в том, кто сделает первый шаг.

К дому я подходил, когда солнце почти скрылось за верхушками сосен, окрашивая небо в глубокий синий цвет на-

ступающих сумерек.

На крыльце сидел Ярослав.

Он не курил, не смотрел в телефон, не делал ничего из того, чем обычно занимаются люди, ожидая кого-то. Он просто сидел, положив руки на колени, и смотрел в ту сторону, откуда я должен был появиться.

Он ждал меня. Он всегда ждал.

Я не знал, как он узнавал, что я вернусь. Может быть, просто знал. Как знал всё остальное, что касалось меня.

Я остановился в нескольких шагах от крыльца. Встретился с ним взглядом. Мы оба молчали, в этом мы были похожи, хотя и по разным причинам. Я молчал, потому что слова давно потеряли для меня цену. Он молчал, потому что умел ждать.

Наша с ним история началась задолго до того, как к нам примкнули Кирилл с Тимуром. Тогда мы оба были другими. Моложе. Злее. Одиночки, которые выживали вопреки всему.

Я помнил тот день. Лес был другим, не весенним, не ожидающим. Осенним. Холодным. Серым. Я шёл по тропе, не зная куда, когда почувствовал его. Чужого. Второго зверя на моей территории.

Я не стал прятаться. Он тоже.

Мы встретились на поляне, заваленной сухими листьями. Он стоял у старого дуба молодой, но уже сломленный. В его глазах была та же пустота, что и в моих. Только в ней не было отчаяния. Была ярость. Та, что не даёт умереть, но и не даёт

жить.

— Ты здесь один? — спросил я.

— А ты? — ответил он.

Это был не вопрос. Это был вызов. Я не знал, кто он. Не знал, что привело его сюда. Но я знал, он не враг. Не потому, что я ему верил. Потому что в его взгляде я узнал себя.

Мы не стали друзьями сразу. Мы просто перестали быть врагами, потому что поняли, вдвоём выжить легче, чем поодиночке.

— Долго ты, — сказал Яр, поднимаясь.

Голос его звучал ровно, но я слышал то, что было скрыто от других. Беспокойство. Не за себя, за меня.

— Гулял, — ответил я коротко.

Он усмехнулся. Коротко, беззвучно, но я услышал.

— Гулял, — повторил он. — Тридцать километров в одну сторону. Просто гулял.

Я поднялся на крыльцо. Ярослав посторонился, пропуская меня. Его рука на секунду коснулась моего плеча коротко, почти незаметно. Жест, который ничего не значил для посторонних. Но я знал. Он говорил *«Ты не один. Я здесь»*.

Я ничего не ответил. Не нужно было. Его рука сказала всё, что требовалось.

Мы вошли в дом. Там было тепло, шумно, пахло едой и жизнью. Я сел в своё кресло у камина. Не потому, что хотел спрятаться. А потому, что впервые за тридцать лет мне показалось, что я могу сидеть здесь не в пустоте. А рядом с те-

ми, кто ждал.

Глава 5. Лидия

Я сижу на троне, который не называют троном.

Большое кресло, грубо вырезанное из цельного ствола, стоящее в самом сердце моего дома. Чёрное дерево, источенное временем, но не тронутое гнилью, я не позволяю. На спинке — узоры, которых никто не прочтёт. Древние знаки, сплетённые в вязь, понятную только мне.

Вокруг нет стен. Вернее, они есть, но теряются во мраке, который дышит вместе со мной. Огонь в камине горит, но не даёт света, только тени пляшут в такт моему дыханию. Или я дышу в такт их танцу? Уже не помню.

Мой дом стоит в чаще леса. Снаружи он кажется заброшенной избушкой — покосившейся, заросшей мхом, полумёртвой. Внутри — иначе.

Корни деревьев прорастают сквозь стены, но не разрушают их, они стали частью дома, его скелетом, его кровеносной системой. По ним течёт не вода — сила. Древняя, тёмная, живая. Она пульсирует в такт моему сердцу, и каждый удар отдаётся дрожью в половицах.

Иногда мне кажется, что дом дышит. Не образно, по-настоящему. Стены слегка расширяются на вдохе и сжимаются на выдохе. Я давно перестала обращать на это внимание. Мы срослись. Я, его сердце. Он, мои лёгкие. Если я умру, он рухнет. Если он рухнет — я возможно, наконец-то умру.

На стенах висят вещи, которые нельзя назвать просто предметами. Черепа животных с глазами, которые всё ещё смотрят. Зеркала, в которых отражается не то, что есть, а то, что будет — или могло бы быть. Книги в кожаных переплётах, что шевелятся, когда я не смотрю. Свечи, горящие синим пламенем, хотя фитили давно должны были сгореть.

Здесь пахнет странно, мёдом и гнилью, жизнью и смертью, тем, что было, и тем, чему не бывать.

Я сижу в своём кресле и смотрю на огонь.

Я не помню, когда в последний раз чувствовала что-то, кроме тишины. Она заполнила меня, как вода заполняет пустую чашу. Я не была пустой — я была полной. Полной того, что не имело имени.

Время здесь течёт иначе, оно подчиняется мне, а не наоборот. Иногда я замечаю, что прошёл день, а иногда — что год. Я давно перестала считать.

Но несколько месяцев назад я вышла.

Первый раз за долгое, очень долгое время. Оставила за спиной этот дом, этот лес, эту вечность и пошла к ним. К нему.

Я не шла к их дому. Я просто оказалась там, как всегда, когда мне нужно.

Материализовалась в кресле у камина, пока они внизу готовились к войне с Гильдией.

Они ворвались в гостиную, готовые стрелять, рвать, убивать.

И увидели меня.

Я сидела в кресле Арсения, пила чай и ждала.

А он стоял у стены, сжимая кинжалы, и смотрел на меня так, будто я была призраком.

Может быть, так и было.

Я смотрю на огонь и думаю о нём. Его имя срывается с моих губ тихим шёпотом.

— Арсений...

Я не плачу. Я вообще забыла, как это делается. Вместо слёз у меня сила, которая может сдвигать горы. Вместо сердца, ледяной комок, тающий только когда, я вспоминаю о нём.

— Глупый мальчишка, — шепчу я в пустоту.

Пустота не отвечает.

Дана мертва. Это хорошо.

Я знала её. Когда-то, очень давно, я пришла к ней. Предупредила. Сказала: *«Оставь его. Оставь их. Или сгоришь»*. Она не послушала. Слишком много злобы. Слишком много боли. Слишком мало ума.

Такие не живут долго.

Я видела, что она выберет. Я видела её конец задолго до того, как она сама его увидела. Я могла бы остановить её, если бы она захотела слушать. Но она не хотела.

Я смотрю на огонь, и пламя на миг становится алым. Цветом её глаз в последний раз, когда я её видела.

Я сказала им — цена Аврора. Не потому, что я хотела её забрать. Потому что только она могла стать той, через кого

равновесие сохранится.

Он сказал «Нет».

Я знала, что он откажется. Я и не ждала другого. Не потому, что не верил мне. А потому, что знал: цена названа не просто так. Потому что если не я — никто. Потому что цена должна быть названа, даже если её не заплатят.

Он всегда умел читать меня.

Я не стала настаивать. Не потому, что сдалась. А потому, что поняла: это «нет» — не отказ от сделки. Это отказ отдать то, что им дороже собственной шкуры.

Но цена осталась.

Они не знают, что надвигается. Не видят узора, а я вижу.

Я смотрю в зеркало и вижу его.

Я не звала это видение. Оно просто пришло.

Он идёт по лесу. Земля под ногами мягкая, влажная — снег сошёл неделю назад. Ветки ещё голые, но кое-где уже набухают почки. Он идёт к оврагу, я знаю этот маршрут. Знаю каждый его шаг, каждую остановку, каждый взгляд в пустоту.

Я вижу, как он ищет меня. Как его плечи опускаются, когда он не находит. Как он приходит в овраг и просто стоит, не зная, что делать дальше. Я знаю эту боль. Я живу с ней каждую секунду.

Глупый.

Что ты ищешь там, где ничего не осталось?

Арсений.

Я смотрю, как он идёт, и не замечаю, когда мои губы начинают двигаться.

Сначала просто выдох. Потом — тихий, едва уловимый звук. Потом — нота.

Мелодия течёт сама.

Та самая.

Которую я напевала в лесу, собирая первые весенние травы.

Которую он услышал в первый раз, прячась за деревьями, ещё не зная, что я давно чувствую его присутствие.

Которую он помнит до сих пор.

Мелодия льётся тихо, почти беззвучно. Без слов. Только голос, мой собственный голос, который я не слышала слишком давно.

Он звучит иначе, чем раньше. Стал глубже, темнее. В нём больше боли, чем света. Больше потерь, чем надежд. Но это всё ещё я.

Я не знаю, слышит ли он. Может быть, только краем сознания, как далёкое эхо. Может быть, ему кажется, что это ветер. Но я пою. Потому что больше ничего не могу сделать.

Тени на стенах замирают. Корни под полом перестают скрестись. Даже огонь в камине синий, вечный, будто притихает, прислушиваясь.

Всё замерло.

Только мелодия течёт.

И он в зеркале — идёт.

Я закрываю глаза.

И проваливаюсь.

Туда, где нет одиночества. Где есть только лес, залитый солнцем, и он — живой, настоящий, дышащий.

В наш овраг.

В наши дни.

Туда, где мы просто были, и этого было достаточно.

Лето.

Самый его разгар, когда воздух дрожит от зноя, а тебе под деревьями кажутся единственным спасением. Здесь всегда дует лёгкий ветер, даже в самые душные дни.

Он лежит, положив голову мне на колени.

Я смотрю на него сверху вниз и не могу насмотреться. Глупо. По-детски. Для той, кто прожил тысячи лет, это должно быть унижительно, так смотреть на смертного. Но когда речь о нём, все мои века превращаются в пыль.

Глаза у него закрыты. Лицо расслаблено — беззащитное, молодое, настоящее. Тот, кого я знаю. Тот, кого...

Я не договариваю даже в мыслях.

Мои пальцы перебирают его волосы, тёмные, мягкие. Я запоминаю это ощущение, каждую прядь, каждый завиток. Чтобы потом, когда останусь одна, закрывать глаза и вспоминать.

Тишина. Только ветер, только ручей внизу, только его дыхание.

И вдруг я понимаю, что напеваю.

Ты самую мелодию.

Ты, что слышали только деревья и звери. Ты, что я никогда не пела при людях.

Но с ним... с ним можно.

Он слушает.

Я продолжаю петь. Пальцы всё так же перебирают его волосы, и мир вокруг исчезает. Нет леса, нет вечности за плечами. Есть только он. Только эта минута. Только мелодия.

Когда я замолкаю, тишина кажется оглушительной.

— Что это за мелодия? — спрашивает он тихо. Глаза всё ещё закрыты.

— Не знаю, — отвечаю я честно. — Она всегда была со мной.

— Ты её для кого-то пела?

— Ни для кого. Для себя. Для леса. Для птиц.

— А сейчас?

Я смотрю на него. На его закрытые глаза, на спокойное лицо, на губы, тронутые лёгкой улыбкой.

— Сейчас — для тебя.

Он открывает глаза.

В них небо. В них я. В них всё то, что мы оба боимся называть вслух.

— Спой ещё, — просит он.

И я пою.

Солнце движется по небу, тени становятся длиннее. А

мы лежим — он на моих коленях, я перебираю его волосы, и мелодия течёт, не кончаясь.

В тот момент я думаю, что так будет всегда.

Вспоминание тает.

Я открываю глаза.

Вокруг мой дом. Моя тьма. Мои тени, замершие на стенах.

Но мелодия всё ещё звучит.

Где-то внутри.

Я касаюсь своих губ тех самых, что пели ему тогда. Холодные. Сухие. Столько лет прошло, а я всё ещё помню, как ково это, чувствовать его голову на своих коленях.

— Я помню, — шепчу я в пустоту.

Зеркало гаснет.

Я в своём кресле. В своём доме. В своей вечности.

Он ушёл из леса. Вернулся к семье. К жизни без меня.

Так и должно быть.

Я говорю это, но не верю. Не могу. Потому что если это правда, зачем я всё ещё здесь? Зачем я всё ещё жду?

Глава 6. Лидия

Я не знаю, сколько времени прошло с тех пор, как зеркало погасло. Минута. Час. Я перестала чувствовать разницу. Только тишина, только холод, только этот синий огонь, который не греет.

А потом, шаги.

Лёгкие, быстрые, почти беззвучные, я сама учила её так ходить. Рита умеет появляться незаметно, когда надо, и исчезать, когда не надо.

Запах дыма и мятного чая наполнил комнату, когда она вошла с подносом. Поставила его на край стола, не спрашивая разрешения, не дожидаясь приглашения. Знала, что можно. Я разрешила ей это много лет назад.

Я смотрела в зеркало. Лес был пуст. Не мёртв — пуст. Снег сошёл, обнажив чёрную, влажную землю, и она дышала паром под первыми лучами. Ветки стояли голые, но я знала, под корой уже течёт сок. Лес ждал. Как и я. Ни зверя, ни человека. Только тишина.

— Госпожа... — Рита помедлила, подбирая слова. — Вы стали реже выходить. И сил у вас меньше, чем прежде. Я вижу.

— Я в порядке.

Она не стала спорить. Просто налила чай в чашку ту самую, с трещиной, которую я любила. Поставила рядом с мо-

ей рукой. От чая шёл пар, пахло мятой и чем-то горьковатым — она всегда добавляла что-то от себя, чтобы я не забывала пить.

Она не говорила: *«Вы должны пить»*. Она просто ставила чашку рядом и ждала. Иногда я брала её. Иногда нет. Она не обижалась. Она знала, что я не забываю пить, я забываю, что мне это нужно.

— Просто напоминаю, — сказала Рита, отходя к стене. — Чтобы вы помнили. Иногда мы забываем о себе. Вы вмешались. В открытую. Противостояли Гильдии. Вы такого не делали... — она задумалась, — я даже не помню когда.

— Было нужно.

Я медленно повернулась к ней. Она не отвела взгляда, не испугалась. Это и держало меня в ней, она никогда не боялась. Даже в первый день, когда пришла ко мне в дом, промокшая до нитки, с разбитой губой и злыми глазами, она не боялась. Сказала: *«Учите. Или убейте. Мне всё равно»*.

Я смотрела на неё и видела, она не лгала. Она действительно была готова к любому исходу. В её глазах была та пустота, которую я знала слишком хорошо. Пустота человека, который потерял всё и больше не боялся потерять себя.

Она не ушла в ту ночь. Села у двери, прислонившись спиной к стене, и просто ждала. Я не говорила ей остаться. Она не говорила, что хочет остаться. Она просто была.

Я не спрашивала её, что случилось в тот день. Но когда она заснула у двери, я заметила на её запястье следы верёвок.

Старые, вьевшиеся в кожу. Она не сбегала от смерти. Она сбегала от клетки. И выбрала самую опасную свободу, какую могла найти — мою.

На следующее утро я поставила перед ней чашку чая. Она взяла. Ни слова. Ни благодарности. Просто взяла.

Так и началось. Не с обещаний, не с уговоров. С молчания, которое оказалось громче любых слов.

Я не убила, и не научила — по крайней мере, не тому, что задумывала. Она научилась сама.

— Гильдия — угроза равновесию, — сказала я. — Сотни охотников в одном месте — это не охота. Это война. Я остановила войну.

— Ценой себя, — тихо сказала Рита. — А он даже не знает.

Я не ответила. Не могла. Потому что если бы я сказала правду, мне пришлось бы признать, я чувствую, как сила уходит из меня с каждым днём. Как корни в стенах больше не отзываются на моё дыхание. Как мир становится тише, холоднее, дальше.

Я подняла руку, чтобы зажечь свечу на столе. Обычно мне достаточно было взгляда. Сейчас я почувствовала, как воздух дрогнул, как пламя лизнуло фитиль, но не зажглось. Я напряглась. Со второй попытки свеча загорелась. Но я знала, раньше хватало одной.

Я смотрела на свои руки. Спокойные, неподвижные. Но внутри пустота. Не та, что была всегда, а новая, свежая,

ещё не затянувшаяся. Цена вмешательства. Я чувствовала её каждый раз, когда пыталась встать. Каждый раз, когда смотрела в зеркало и видела, как тускнеет его свет.

— Не ему знать, — сказала я. — Не его ноша.

Но я знала, что это неправда. Он нёс мою ношу всегда. Просто не знал об этом.

— Чья же? — Рита не отступала. — Ваша? Вы и так несёте всё. Веками.

Я подняла на неё взгляд. Не ответила, но она поняла.

В комнате стало тихо, только корни под полом тихо скреблись, да огонь в камине потрескивал синими искрами. Рита ждала. Не боялась, просто ждала.

— Он приходил в лес, — сказала я, отводя взгляд к зеркалу.

Рита замерла. Секунду. Две. Потом тихо сказала:

— Он ищет вас. Давно.

— Я знаю.

— Вы не выйдете к нему?

Я покачала головой.

— Не сейчас.

Рита не стала спрашивать «почему». Не стала уговаривать. Только подошла, поправила плед на моих плечах, хотя я не мёрзла, но ей было спокойнее, и я позволяла.

— Госпожа... — она помедлила. — То, что грядёт... можно остановить?

Я молчала, смотрела в зеркало. В нём всё ещё был лес —

пустой, весенний, но теперь мне казалось, что между деревьями мелькают тени. Не звери, не люди. Что-то другое.

— Узор меняется, — сказала я. — Слишком быстро. То в одну сторону, то в другую. Я не успеваю за ним.

Впервые за тысячи лет я чувствую, как время ускользает от меня. Не от тьмы, от меня самой.

— А раньше успевали?

— Раньше он был медленнее. Мир дышал иначе. А сейчас — задышается.

Рита подошла ближе. Не настаивала, просто ждала.

— Всё решится, — сказала я. — Когда появятся они.

— Они?

— Близнецы. Они придут в этот мир — и баланс качнётся. В какую сторону, покажет время.

— А если не в ту?

Я посмотрела на свои руки, спокойные, неподвижные. Но внутри — пустота.

— Тогда то, что затаилось в земле, поднимется.

Рита замерла.

— Вы видели? — спросила она.

Я помолчала. Зеркало погасло, но перед глазами всё ещё стояла та картина. Тьма, которая шевелилась. Не просто тени — нечто, что было под ними. Древнее. Голодное. Оно не спало, оно ждало.

— Я видела не их, — сказала я. — Я видела их пробуждение.

— Чьё?

— То, что спало в этом лесу задолго до того, как здесь появились первые деревья. То, что не помнит света. Не потому что не видело, потому что свет для него не имеет значения.

Иногда, когда в доме совсем тихо, я слышу его. Не звук, вибрацию. Будто под полом, на глубине, где корни не достают, кто-то ворочается, медленно, тяжело. Как спящий, которому снится плохой сон. И я знаю, если он проснётся, сон станет явью. Для всех.

Рита молчала.

— Гильдия, войны, охотники — всё это детские игры, — продолжила я. — Они грызутся за власть, за территории, за страх. А то, что поднимается там... оно не хочет власти. Оно хочет тишины. Абсолютной. Пустой.

— Тишины? — переспросила Рита.

— Когда не останется ни звука, ни жизни, ни памяти. Когда мир перестанет дышать. Не умрёт, просто замрёт. Как застывшая вода. Как лёд, который уже не растает.

— И это... здесь? Под нами?

— Здесь. — Я, наконец, повернулась к ней. — И не только здесь. Оно просыпается везде. Просто наш лес, самое тонкое место. Самая старая рана, которую никто не залечил. Здесь мир тоньше всего. И тьма просачивается первой.

— И что нужно, чтобы его остановить?

Я посмотрела на свои руки, холодные, пустые.

— То, что умеет рождать, а не убивать.

— Дети Авроры?

Я кивнула.

— Они придут в этот мир в тот самый момент, когда тени сделают первый шаг. И от того, что произойдёт тогда, зависит не только этот дом, не только этот лес. Весь узор. Мир, каким мы его знаем. Они будут не просто детьми. Один — как утренняя заря, когда мир просыпается. Другой — как сумерки, когда лес затаивает дыхание. Вместе они составят полный круг. Если они родятся в мире — мир выживет. Если они родятся в тени — тень станет миром.

Рита молчала долго. Потом тихо сказала:

— А вы? Что вы будете делать?

Я не ответила сразу. Потому что ответа у меня не было. Я смотрела на огонь, на тени на стенах, на свои руки, которые уже не грели.

— Буду сдерживать, — сказала я. — То, что прорвётся. Пока есть силы.

— А если они кончатся?

Я не ответила. Рита и так знала. Если силы кончатся — меня не станет. А вместе со мной исчезнет и последняя преграда между этим миром и тем, что ждёт внизу.

— Вы не можете сдерживать вечность, — тихо сказала она. — Никто не может.

— Могу, — ответила я. — Пока нужна.

Рита помолчала, потом спросила:

— А они? — Она посмотрела в сторону зеркала, где ещё

недавно был лес. — Они знают, что на кону?

— Не всё. Но достаточно.

— И что же?

Я перевела взгляд на огонь. Синее пламя дрогнуло, будто прислушиваясь.

— Их связь. Двойная печать между Авророй и Ярославом. Таких узоров я не видела... возможно, никогда. Обычная метка связывает двоих. Их, соединила так, что это породило новую жизнь. Не просто детей — близнецов. Два начала. Две возможности. Два сердца, которые бьются в одном ритме с миром.

— И в них — спасение?

— В них — равновесие, — поправила я. — Когда они родятся, узор качнётся. Сила, что сейчас спит в них, проснётся. И тогда... либо тени отступят, либо мир изменится навсегда.

— В какую сторону?

Я покачала головой.

— Этого не видит никто. Даже я.

Рита хотела спросить ещё, но я подняла руку.

— Госпожа, — сказала она, помедлив. — Я буду рядом. Пока есть силы, буду помогать. А если понадобится, защищать вас. Тех, кого вы бережёте, этот лес. Что бы ни пришло из теней.

Я смотрела на неё. На ту, кто когда-то пришла ко мне и осталась. Не из страха. Не из долга. Просто потому что решила.

Я не улыбалась уже очень давно. Но сейчас уголки моих губ дрогнули. Совсем чуть-чуть. На миг. Достаточно, чтобы она заметила.

— Знаю, — сказала я. — Потому ты и здесь.

Рита не ответила. Только кивнула и отошла к двери.

— Вы знаете, где меня найти, если понадобится, — сказала она перед уходом.

— Знаю.

Дверь закрылась. Я осталась одна.

Перед зеркалом. В своём кресле. В своей вечности.

Но что-то в груди — не там, где пустота, а рядом, на самой границе, стало чуть теплее.

Она была единственной, кто напоминал мне, что я ещё жива. Не сила. Не лес. Не долг. Она.

Я снова смотрю в зеркало. Лес пуст. Но теперь я вижу иначе, в этой пустоте нет смерти. Только ожидание. Лес ждёт. Я жду. И, кажется, впервые за тысячу лет, я не боюсь того, что может прийти. Потому что знаю, я не одна. Даже здесь. Даже в этой вечности.

Глава 7. Арсений

Комната была маленькой. Не спартанской, просто... моей.

Книги. Они были везде, на столе, на подоконнике, на полу, на единственной полке, которая грозила рухнуть под их тяжестью. Корешки потёртые, страницы зачитанные, закладки — обрывки бумаги, сухие листья, иногда просто уголок, загнутый пальцем. Я никогда не мог читать по-другому. Не для того, чтобы закончить, а чтобы чувствовать жизнь внутри.

На подоконнике лежала засушенная ветка мяты. Я не знал, зачем я её храню. Не знал, сколько она здесь пролежала. Но каждый раз, когда я проходил мимо, я чувствовал её запах, и мне казалось, что она рядом.

Я сидел на кровати, не раздеваясь. Смотрел на лес за окном. Ночь была тёмной, даже луна спряталась за тучами. В комнате горела только настольная лампа, и свет её падал на раскрытую книгу у меня на коленях.

Я не читал.

Я держал книгу, как держат оружие, которое не собираются использовать. Просто чтобы чувствовать её тяжесть в руках. Слово пока я держу книгу, я держу себя в руках. Слово если отпущу, рассыплюсь.

Я всегда искал ответы на страницах книг. Но ответ на главный вопрос всей своей жизни я так и не нашёл.

Почему она ушла?

Почему не дала нам шанса?

В книгах всё просто, есть начало, есть середина, есть конец. Есть логика, есть закономерность, есть объяснение. В жизни — нет. В жизни она ушла, и я не знал, почему. В жизни я остался, и я не знал, зачем.

Это не было вопросом, который я задавал себе впервые. Я задавал его каждую ночь, когда ложился и не мог уснуть, когда тишина в комнате становилась слишком громкой. Когда я закрывал глаза и надеялся, что на этот раз услышу её голос.

Я не слышал.

Я закрыл книгу. Не захлопнул, просто закрыл, положив ладонь на обложку. Кожа переплёта была тёплой от моих рук. Я провёл пальцем по корешку, потом по выдавленным буквам. Слово. Смысл. Ответ.

Ничего.

Я не знал, когда это началось. Эта привычка, держать книгу в руках, даже не читая. Может быть, тогда, когда я понял, что в книгах больше нет ответов. Может быть, когда я перестал искать. Или когда я смирился с тем, что не найду.

Я закрыл глаза.

И провалился.

Лето. Тёплый вечер. Овраг, залитый золотым светом.

Мы сидели на траве, и её голова лежала у меня на плече. Она не говорила ничего, просто дышала, и я чувствовал, как поднимается и опускается её грудь. Ритм её дыхания совпадал с моим. Или я дышал в такт ей — уже не помню.

Помню только это: мы были одним дыханием.

Я смотрел на закат и боялся пошевелиться. Боялся, что если двинусь, она уйдёт. Что этот момент рассыплется, как песок сквозь пальцы. Что я проснусь, и её не будет.

— Арсений, — сказала она тихо.

— Что?

— Ты боишься.

Это был не вопрос. Она знала. Всегда знала.

— Да, — сказал я.

— Чего?

Я молчал. Потом повернул голову и посмотрел на неё. Её лицо было в золотом свете, глаза — тёплые, живые, настоящие. Я искал в них ответ, но находил только вопрос.

— Что ты исчезнешь.

Она улыбнулась, той улыбкой, от которой у меня замирало сердце.

— Я здесь, — сказала она.

Я смотрел на неё и не мог отвести взгляд. На её губы, чуть приоткрытые. На её глаза, в которых отражалось небо. На её руки, лежащие на траве, так близко к моим.

Я не знал, что делаю. Я просто наклонился.

Она не отстранилась, не замерла. Просто смотрела на меня, пока я приближался. Пока наши губы не встретились.

Это было не страстно, не жарко. Это было как первый снег — тихо, чисто, невесомо. Как будто мир затаил дыхание. Как будто время остановилось и ждало, что будет

дальше.

Я почувствовал её губы — мягкие, тёплые, настоящие. Её рука легла на мою щеку, и я закрыл глаза. Я не хотел видеть мир, я хотел чувствовать только её. Её дыхание на своей коже. Её пальцы, касающиеся моего лица. Её присутствие, которое заполняло всё.

Когда мы отстранились, она улыбнулась. Так, как улыбаются, когда не нужно слов.

— Я здесь, — повторила она.

Я хотел сказать, что люблю её. Я хотел сказать, что не отпущу. Я хотел сказать всё, что копилось во мне. Но я не сказал ничего.

Я боялся спугнуть.

Она смотрела на меня долго. В её глазах было что-то, чему я не мог найти названия. Не грусть. Не боль. Что-то другое. Тихое. Окончательное.

— А если я исчезну? — спросила она. — Если однажды я просто... уйду?

Я замер. Сердце на мгновение остановилось, а потом забилось чаще. Не от страха — от того, что я знал, она не спрашивает просто так.

— Ты не уйдёшь, — сказал я. Твёрже, чем чувствовал. — Я не дам тебе уйти.

Она улыбнулась. Не той улыбкой, что была до этого — тёплой, живой. Другой. Грустной. Как будто она знала что-то, чего не знал я. Как будто она прощалась со мной

заранее.

— А если я не дам себя удержать?

Я посмотрел на неё. На её глаза, в которых отражалось закатное небо. На её губы, которые только что касались моих. На её руки, лежащие на траве рядом с моими.

— Тогда я буду искать, — сказал я. — Всегда. Где бы ты ни была. Сколько бы времени ни прошло. Я буду искать.

Она молчала. Долго. Потом протянула руку и коснулась моей щеки. Её пальцы были прохладными, но не холодными.

— Глупый мальчишка, — прошептала она.

Но в этот раз это звучало иначе. Не как «ты не понимаешь». Как «я хочу, чтобы ты оказался прав».

Она убрала руку и посмотрела на закат. Я смотрел на неё.

Я не знал, что она имела в виду. Не знал, почему она спросила об этом. Но я отогнал сомнения. Я не мог позволить им войти. Потому что если бы я позволил себе усомниться, я бы потерял её ещё до того, как она ушла.

Мы сидели так до темноты. Пока звёзды не загорались одна за другой. Её голова лежала на моём плече, и я чувствовал, как бьётся её сердце, ровно, спокойно. Я чувствовал её дыхание на своей шее, её тепло, её присутствие. Я верил, что это будет всегда.

Я ошибался.

Я открыл глаза.

В комнате было темно. Лампа на столе горела, но свет её

казался тусклым, чужим. Я провёл рукой по щеке там, где когда-то лежала её ладонь, холодно, пусто.

Книга лежала на полу, я не помнил, когда уронил её. Наверное, в тот момент, когда провалился в воспоминание. Я наклонился, поднял её. Кожаный переплёт был тёплым от моих рук, от лампы, от того, что я держал её так долго.

Я провёл пальцем по корешку. По выдавленным буквам. Слово. Смысл. Ответ.

Ничего.

В груди — там, где когда-то билось сердце в такт с её, пульсировала знакомая боль. Не острая, не режущая. Тупая. Ноющая. Та, что живёт под рёбрами и не уходит, даже когда пытаешься дышать глубже.

Я не знал, почему она ушла. Не знал, почему не дала нам шанса. Я знал только одно: она была там. Она была настоящей. И это не было сном.

Я закрыл книгу. Положил на стол. Выключил лампу. Комната погрузилась в темноту, но я не сомкнул глаз.

Я смотрел на лес за окном и знал, она где-то там. Я чувствовал это. Как чувствовал всегда.

Может быть, она тоже смотрела на то же небо. Может быть, она тоже вспоминала.

Я закрыл глаза.

Я хотел снова провалиться в тот вечер. В её руки. В её голос.

Но воспоминание не вернулось. Осталась только пустота.

И ощущение её пальцев на моей щеке, которое уже начинало уходить.

Глава 8. Лидия

Я вышла из дома.

Здесь, на пороге, воздух всегда был другим не таким, как внутри. Он пах лесом, влажной землёй, первой зеленью. Тем, чего у меня было в избытке и чего мне вечно не хватало.

Лес встретил меня безмолвием. Но это было не то безмолвие, что окружало мой дом — мёртвое, выжидающее, застывшее. Здесь тишина была живой. Она дышала вместе с деревьями, вместе с ветром, вместе со зверями, что затаились в норах.

Я шагнула в эту звенящую пустоту, и лес принял меня, как принимал всегда. Ветви надо мной смыкались, образуя живой коридор. Я ступала по влажной земле, не оставляя следов. Так было всегда.

Время в пути текло иначе, я не считала его. Иногда мне казалось, что проходят минуты, иногда, что часы. Но когда в просвете между деревьями показался знакомый силуэт, я поняла, пришла ровно тогда, когда нужно.

Их дом стоял на поляне, тёплый и живой. В окнах горел свет — жёлтый, уютный, такой, какого никогда не было в моём жилище. Из трубы вился дым, и ветер относил его в сторону леса, смешивая с запахом хвои и весенней сырости.

Я остановилась на опушке, вглядываясь.

Дом жил своей жизнью. Я чувствовала это каждой клет-

кой своего древнего тела. Слышала скрип половиц под чужими ногами, улавливала обрывки разговоров, ощущала тепло тех, кто находился внутри.

Мой взгляд скользнул в сторону, туда, где лес редел, открывая место для стройки. Новый дом. Я знала, зеркала показали.

Там, среди свежих брёвен и куч опилок, я увидела их.

Ярослав стоял чуть поодаль, наблюдая за тем, как Тимур и Кирилл возились с какой-то конструкцией. Тимур, как всегда, жестикулировал так активно, что, казалось, вот-вот свалится с лесов. Кирилл что-то объяснял ему, терпеливо, но с той лёгкой усталостью в голосе, которая бывает у людей, привыкших к тимуровой энергии.

И он, Арсений.

Он стоял в стороне, прислонившись к стволу старой сосны. Не участвовал, не помогал, просто наблюдал. Как всегда. Как всю свою жизнь.

Я смотрела на него дольше, чем позволяла себе обычно. Я почти не дышала. Боялась, что если вдохну, он почувствует. Что если выдохну, он обернётся. Я задержала дыхание и просто смотрела.

Ветер шевелил его тёмные волосы, собранные в низкий хвост. Он хмурился, глядя на возню Тимура. Даже на расстоянии я видела, как дёрнулся уголок его губ. Не улыбка, нет, просто тень чего-то, что когда-то могло бы ею стать.

Плечи его были напряжены. Даже сейчас, когда он стоял,

прислонившись к дереву. Когда вокруг были свои, он не позволял себе расслабиться до конца.

Я знала это чувство. Я сама жила с ним сотни лет.

И вдруг он замер.

Не движением — чем-то другим. Тем, что невозможно было увидеть, только почувствовать. Его поза изменилась — чуть-чуть, на миллиметр, но я заметила. Глаза, только что скользившие по стройке равнодушно, вдруг стали острыми, сканирующими.

Он что-то почувствовал.

Он всегда чувствовал. Даже когда не видел меня зрением, когда я пряталась за своими заклинаниями. Он знал, что я где-то рядом. Ближе, чем обычно. Ближе, чем позволяла себе раньше.

Его взгляд медленно обводил опушку, цеплялся за каждую тень, за каждый куст, за каждую ветку. Я видела, как напряглись желваки на его скулах, как пальцы, лежавшие на сгибе локтя, чуть сжались.

Он искал меня.

И не находил.

Потому что я так хотела.

Потому что если бы он увидел меня сейчас, если бы наши взгляды встретились, я бы не выдержала. Я бы подошла. Я бы коснулась его лица. Я бы сказала всё, что молчала все эти годы.

А он был не готов.

Или я была не готова.

Я не знала.

Я смотрела на него ещё несколько секунд, позволяя себе эту боль, это тепло, эту невозможность. А потом перевела взгляд на дом.

Туда, где ждала Аврора.

Я сделала шаг вперёд.

Лес расступался передо мной, пропуская к дому. Ветер не трогал мои волосы, я запретила. Я была тенью, призраком, тем, чего не существует, пока я сама не решу иначе.

Дверь.

Я не открывала её. Просто прошла сквозь, как проходят сквозь утренний туман. Моё тело на мгновение стало зыбким, почти прозрачным, сотканным из воздуха и дрожащего света, точно так же, как в прошлый раз, когда я уходила отсюда, оставляя после себя только дым и вопросы. А потом я снова стала собой.

В гостиной было тепло. Пахло деревом, дымом и ещё чем-то — тем особым запахом, который бывает только в домах, где живут любящие люди. Я вдохнула его глубоко, позволяя себе эту странную, почти болезненную роскошь.

Она сидела ко мне спиной. Укутанная в плед, с чашкой чая на столике рядом. Не оборачивалась. Не чувствовала.

Я скользнула к креслу.

К его креслу.

Чёрное дерево, грубо вырезанное, стоящее у самого ками-

на. Оно хранило его запах — тот самый, который я принесла с собой в прошлый раз и которым дышала все эти месяцы. Я опустилась в него медленно, плавно, позволяя дереву принять мой вес.

Оно не скрипнуло, я не позволила.

Я откинулась на спинку, вдохнула его запах и посмотрела на неё.

Она сидела в трёх шагах. Хрупкая, усталая, но живая. Такая живая, что у меня на миг перехватило дыхание.

— Ты смотришь на огонь так, будто ищешь в нём ответы, — сказала я тихо.

Она не вздрогнула. Вообще никак не отреагировала на звук моего голоса. Только медленно, очень медленно, перевела взгляд с огня прямо на меня. Будто всё это время знала, что я здесь. Будто ждала.

В её глазах не было страха. Не было удивления. Только та же глубокая, выматывающая усталость, что я видела в прошлый раз, и что-то ещё. Тёплое. Почти... понимающее?

Уголки её губ дрогнули. Чуть-чуть, едва заметно. Не улыбка тень улыбки, которую она даже не пыталась скрыть.

— Здравствуй, Лидия.

— Ты знала, что я приду?

— Чувствовала, — поправила она. — Последнее время я много чего чувствую. Иногда мне кажется, что слишком много.

В свете камина её лицо казалось бледным, почти прозрач-

ным, но глаза горели тем особенным огнём, который я заметила ещё в прошлый раз. Огнём, который не гаснет, даже когда тело устало.

— Зачем ты здесь, Лидия?

Я молчала несколько секунд, глядя на неё. На эту женщину, в которой текла сила, способная на то, на что не способна даже я.

— Ты пришла поговорить о нём? — спросила она.

Я замерла.

Не телом, тело подчиняется мне всегда, каждую секунду, каждое мгновение. Замирает что-то другое. То, что внутри. То, что я считала давно мёртвым.

— Почему ты спрашиваешь? — голос звучит ровно. Слишком ровно. Я слышу эту фальшь, и надеюсь, она не слышит.

— Потому что вы поёте.

Аврора прижала ладонь к груди. Прямо туда, где под рёбрами бьётся сердце. И я вижу, ей больно. Не физически. По-другому. Так, как бывает, когда внутри поселяется чужое эхо и не хочет уходить.

— Всё время, — продолжает она тихо. — Даже когда молчите. Одна мелодия на двоих. Печальная. Очень печальная.

Я не знаю, что ответить.

Обычно я вижу других насквозь. Это моё проклятие и моя сила. Но сейчас, под её взглядом, я вдруг чувствую себя неудобно. Слишком открыто. Слишком видно.

— Я пришла говорить не об Арсении, — произношу я едва слышно и отвожу взгляд в сторону.

Всего на секунду, чтобы собраться. Чтобы снова стать той, кем была всегда.

А потом я снова смотрю на неё. Прямо. В упор.

— Тогда о чём? — спрашивает она.

— О том, что нас всех ждёт.

Голос звучит расплывчато даже для меня самой. Потому что я до конца не понимаю собственных видений. Они приходят обрывками, тенями, намёками. И каждый раз, когда я пытаюсь сложить их в цельную картину, они рассыпаются в руках.

— И что нас ждёт? — Её голос тих, но твёрд, как скала.

— Сложно объяснить словами. — Я медлю. Всего секунду. — Если позволишь, я покажу.

Я протягиваю ладонь. Открытую. Пустую. Ждущую.

Аврора смотрит на неё. Мгновение. Два. В её глазах — не страх, не сомнение. Только тихое, глубокое понимание того, что этот момент изменит всё.

Она почти не раздумывает.

Её ладонь ложится на мою — тёплая, живая, доверчивая.

Мир вокруг нас дёрнулся.

И провалился.

Тьма.

Она приходит первой — всегда. Густая, вязкая, живая. Она не просто окружает, она дышит. Вместе с нами. Внут-

ри нас.

Аврора рядом. Я чувствую её ладонь в своей, единственное тёплое пятно, в этом ледяном хаосе. Она не отстраняется, не кричит. Только дыхание сбивается на секунду и снова выравнивается. Сильная. Даже здесь — сильная.

А потом тьма начинает показывать.

Чёрный провал в земле. Пасть. Дышит — тяжело, глубоко, сыростью и гнилью.

Воздух спёртый. Давит на грудь. Где-то капает вода, редкие, мучительные удары по камню. Кап. Кап. Кап.

Стены мокрые, скользкие. Под ногами хрустит — не снег, не гравий. Что-то другое. Я не смотрю вниз.

Запах. Металл. Ржавчина. И поверх всего — сладковатая, тошнотворная вонь. Так пахнет что-то мёртвое, что не хочет умирать.

В темноте кто-то шевелится.

Не вижу, чувствую. Скрежет. Шорох. Дыхание — не наше. Чужое, многоголосое.

Корни, толстые, чёрные, узловатые. Они прорастают сквозь камни, оплетают стены, свисают сверху. Пульсируют. В такт чему-то глубоко под землёй.

На каждом — капли. Красные. Тяжёлые.

Земля вздрагивает.

Гул. Низкий, вибрирующий. Из глубины. Поднимается, растёт.

Стены трясутся. Сверху сыплется крошка. Где-то в

темноте что-то рушится с грохотом.

И тишина.

Резкая. Мёртвая. Неправильная.

Ни капель. Ни шорохов. Ни дыхания.

Только тьма.

Она сгущается впереди. Собирается в комки, в сгустки, в очертания.

Тени.

Они поднимаются из расщелины. Медленно, неуклюже. Будто учатся заново быть.

У них нет лиц. Только тьма — густая, живая, голодная.

Их много. Сотни. Тысячи.

Они смотрят на нас.

Все сразу.

Земля вздрагивает в последний раз.

Видение гаснет.

Нас выбрасывает назад в дом, к камину, в жизнь. Резко, без предупреждения, будто тьма просто устала нас держать.

Аврора открывает глаза.

Она смотрит на меня, и я вижу. Она поняла. То, чего не смогла сложить я. То, что ускользало от меня сотни раз, рассыпаясь в руках.

— Ты знаешь, где это, — выдыхаю я хрипло.

Голос не слышится. В горле першит от той тьмы, что мы только что видели.

Она молчит. Секунду. Две. Потом медленно отводит

взгляд к огню. Пламя пляшет в её зрачках.

— Знаю, — говорит она тихо.

В этом слове — всё. Страх. Понимание. Принятие. Готовность.

— Заброшенные шахты. — Её голос тих, но в нём нет сомнений. — Там мы уничтожили Поглотителя. Там убили Дану. И там земля отравлена заразой, которую распространил «Вепрь».

Тишина.

И в моей голове что-то щёлкает. Громко и отчётливо. Будто последний, самый тяжёлый пазл, который я не могла ухватить, вдруг падает с грохотом, вставая на своё место.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.